

ЖЕЛАНИЕ КАЖДОГО

МАКЕНА ОНЈЕРИКА

Художественная работа: Уфуома Эсси. Все, что ты не можешь оставить позади

ПОТЕРПЕВШИЙ

Злоумышленник, вероятно, принял его за туриста. Да он и мог вполне им оказаться. В предыдущий раз, ему довелось быть тут, в центральном деловом квартале Найроби, где-то семь месяцев назад, поздним вечером. Он тогда ходил на концерт одного музыканта из Мали, игравшего в стиле афро-фьюжн, и это было в помещении Alliance Française — на самой окраине делового квартала, так что внутрь опасной зоны он тогда и не заходил.

Он изо всех сил старался возвращаться в более благополучных районах Найроби. Держась подальше от потрескавшейся бетонной мостовой делового квартала, его бесчисленных лавочек с электронными товарами, откуда всегда неслась музыка в стиле госпел, его длинных очередей, обыкновенно стоявших перед госучреждениями, и вездесущих работников парковок, которые считали за обязанность учить его правильно ставить машину и тут же протягивали потную ладонь в ожидании вознаграждения.

Но тут нагрянула с визитом из Штатов его подруга по колледжу, а у нее посещение открытого по субботам рынка Маасай стояло номером шестым в списке «обязательных мероприятий в Найроби». Так что ему пришлось рулить по всему деловому центру, и там отбиваться от беспризорников, которые протискивались через трафик, пытались полировать его машину грязными тряпками, и тыкали пальцами себе в рот, давая понять что голодны. От этих предложений он уверенно отнекивался, крутя головой.

«Дело в том, что давая подачки, ты приучаешь их попрошайничать на улице», — пояснил он, повернувшись к своей подруге по колледжу. С ней он в один памятный вечер выкурил когда-то косяк — под уличным фонарем на задворках их кампуса, еще в годы учебы в Массачусетсе. Весна нашептывала им свою бесполезную чушь, шелестя крупными листьями только что очнувшихся деревьев в рощице, где

кончалась территория кампуса. Темная листва, длинные тени от деревьев и мягкий, но беспрестанный стрекот цикад странным образом навевали на него, сидящего на скамейке, глубокое и бездонное молчание.

Его подруга, в тот вечер очень веселая от выкуренной вместе травы и смеси употребленных напитков, все кружилась себе вокруг фонарного столба, а ее тело сотрясалось от беззвучного хохота. Это ее верчение вокруг столба как бы затянуло его внутрь, и завязало все его сложные переживания тугим узлом. Но как только он открыл рот, собираясь сказать, что любит ее, подругу согнуло пополам и вытошнило прямо под фонарь. Впоследствии, ему пришлось глубоко запрятать воспоминания о том вечере – до сего момента, когда она сидит теперь рядом с ним в машине, полагая, что он в принципе не способен к состраданию.

All That You Can't Leave Behind (still) ~ Ufuoma Essi

И хотя она утаила эти свои мысли насчет беспризорников под прикрытием больших солнечных очков, он мигом ощутил ее молчаливое осуждение. Потом ему пришлось демонстрировать сдержанную вежливость целый километр их пути пешком от машины, запаркованной на Кеньятта-авеню, до рынка на улице Сити-Холл. И что она вообще знает о быте в Найроби? «Не надо, не стоит», — повторял он, отмахиваясь от зазывал, когда они все разом отлепились от стен вблизи рыночных ворот, словно потревоженные насекомые, и увязались вслед за ними обоими. Им предлагали

картины, изделия из дерева, драгоценности и поделки из «мыльного камня» местности Киси.

И целый час, проведенный ими на рынке, только усилил его раздражение. Торговцы жужжали вокруг них, совали товары им в руки, и как только ему удавалось отделаться от одного из них, тут же возникал другой — еще более назойливый и красноречивый, чем предыдущий.

«Мими ни мкеньян», — бормотал он, размахивая удостоверением личности гражданина Кении, когда им называли заоблачные цены, предназначенные для богатых туристов. Торговцы хохотали в ответ, и дружески хлопали его по спине. «Ты же знаешь, как оно устроено, босс. Всем кушать хочется!» — отвечали они, внезапно проникаясь близким доверием, когда обнаруживали, что его беглость в языке сушили совсем не вяжется с их первым впечатлением от его цвета кожи.

Но его спутница вела себя назойливее всех. Она тыкала во все разложенные товары, подолгу крутила их в руках, просила поменять одно на другое, и таким вот образом проделала путь по всем рыночным лоткам до единого — при этом ничего не купив.

«Ах, какое великолепие!» — заметила она, когда они наконец выходили с рынка. И он уловил в этой ее фразе нечто, что давно подметил за белокожими людьми, где-то после окончания колледжа. Этакое умение, само собой разумеющееся для белых, походя примерять на себя реалии другой страны, будто это одежда. Внутри у него все просто закипело от этой фразы, но пришлось себе напомнить, что он сам же пригласил ее сделать остановку у него в Найроби по пути в Танзанию, где ей теперь предстояло провести пару лет, работая на одну зарубежную организацию по внешней помощи.

«Давай пообедаем в районе Уэстлэндс. Я знаю одно местечко», — сообщил он, бережно пронося свою головную боль мимо мусорных баков на выходе, которые на его памяти, казалось, ни разу не вытряхивали и не мыли. И внезапно, на мгновение, город показался ему изменившимся. Он раньше и не замечал новый небоскреб, выросший из-за громады банка КСВ, да и зелено-белый минарет самой мечети Джамия тоже никогда не представлял ему под этим новым ракурсом.

Когда же его iPhone внезапно испарился из руки, он и не сразу понял, что именно произошло. Только увидел резвого малого, который рванул вдаль, как профессиональный бегун на короткие дистанции. Еще на ум пришел Элиуд Кипшоге, этот победитель марафонских забегов — отчего сердце наполнилось гордостью за весь кенийский спорт.

«Мвизи, — заорал кто-то, — мвизи, мвизи!»

«Уйо, уйо!» — подхватил окружающий хор голосов.

В мгновение ока он осознал, что только что пал жертвой обыкновенной мелкой кражи. Но ему никогда не хотелось бы видеть этого бегуна распростертым на асфальте, с головой, прижатой ботинком полицейского. Или слышать хлесткие звуки ударов по телу мошенника, которое сжалось в комок перед лицом незамедлительного правосудия. Никто не спросил его, потерпевшего, чего он собственно сейчас желает...

«Так у тебя разве не возникло желание вернуть себе телефон, Нилеш?» — поинтересовалась его спутница, несколько часов спустя.

Он попытался объяснить. Тот телефон был застрахован и его легко будет заменить на новый. Что бы он действительно хотел вернуть себе сейчас, это не телефон, а собственное достоинство. Утраченное в тот момент паники при виде кражи, когда сердце подпрыгнуло ему в самое горло. Он очень желал сейчас, чтобы весь людной Найроби не предавал его в тот момент, объявляя чужаком.

Они продолжали сидеть вдвоем за столиком, испачканным кофейными пятнами, а еда остывала в их тарелках — потому что он все не мог остановиться, пытаясь растолковать свои истинные желания на данный момент.

«Это был телефон, только и всего. А он расстался с жизнью из-за этого телефона», — продолжал он.

«Нет, он сам выбрал гибель из-за этого телефона», — утверждала она.

«Ну как ты можешь такое говорить?»

«Это не твоя вина, что у тебе есть другие телефоны взамен этого. Ты же никого не обокрал!»

Его волнение проявлялось в дрожании напитка в стакане, оттого что его колено бессознательно колотилось о ножку стола.

«Давай не будем об этом больше говорить», — вдруг выпалила она, но тут же взяла себя в руки и улыбнулась ему сквозь солнечные очки.

А еще ему хотелось, ну просто очень хотелось, чтобы она взяла сейчас и убрала свою руку с его руки, лежащей поверх стола...

РУКА ПРАВОСУДИЯ

Да. Это я его убила. Бросила тот камень, который попал ему в голову. Ну и что? Он же был вор. А завтра, я схожу в церковь и поблагодарю Иисуса за то, что теперь одним из этих стало меньше. Пускай Всевышний раздает всем прощение, как Ему заблагорассудится, а во мне, Милдред, снисхождения уже не осталось. Зовите полицию меня арестовывать.

Скажу я вам вот что: жить в Кении – значит страдать. Кто еще не обгадил хорошенько нашу страну, а? Даже китайцы вот приезжают сюда и лупят нас как маленьких, прямо по заднице. Безработица, говорите? А работа вам, что, сама свалится сверху, как манна небесная? И кто у нас в Кении вообще не страдает?

И вот что еще вам скажу: в конце каждого месяца, мне платят всего восемь тысяч. Оттого, что я домработница, вы наверно скажете, что это совсем неплохо. Вам, конечно, и невдомек, что домработницы тоже желают чего-то добиться в жизни. Мои вот хозяйева всегда вам заметят, что я в их доме еще и кушаю, и во сколько им обходится мое проживание там как прислуги, в их богатом районе Килелешва. Лучше уж выплатили мне на руки, все что они там на меня якобы тратят — чтобы я сама покупала что хочется из еды, и снимала бы комнату где-нибудь в Кавангваре тысячи за три всего, а остальное бы откладывала.

И вот что еще: три года назад, у меня было большое желание купить корову и построить для нее хлев в деревне моей мамы. Тогда она бы продавала молоко, а я бы перестала отсылать маме половину своего заработка каждый месяц. Ради этого я сэкономила каждую копейку, как собака прячет последнюю косточку, и мне тогда даже удалось выклянчить у хозяев небольшую премию под конец года, в декабре месяце.

Перед отъездом домой в Бусиа, я тогда еще пошла в торговый район Истли и накупила гостинцев своему сыну, и маме, и даже племянникам. Чего я только не накупила тогда, потому что приближалось Рождество, а я для нашего семейства вместо Санта Клауса. Но мои хозяйева вдруг не захотели меня отпускать раньше четырех часов вечера в самый канун Рождества, то есть двадцать четвертого. Я им нужна, говорят. Нужна им своими руками, ногами, и всякой там работой – которая на самом деле рабство, если говорить по правде. Ну вот и пришлось мне потом бежать впопыхах на ночной автобус до Бусиа. Мое желание было попасть домой на Рождество, и всех там осчастливить. Вам оно понятно?

Ну и почему мне было знать? Ужас, это когда шестеро мужиков с ножами обступают тебя одну в районе Ривер-роуд. Ужас, это когда ты, взрослая женщина, при этом писаешься и даже не замечаешь. И ведь не было еще темно. Жители Найроби идут себе мимо, притворяясь, что ничего не видят, ничего не слышат и ни о чем не думают. В этом их городе никто тебе не мама.

И вы думаете, эти бандюги ограничились, отняв все мои гостинцы и наличные, которые я имела при себе? Не смешите меня. Нет, они принялись звонить по каждому номеру, сохраненному в контактах моего телефона, и врать людям, что они – патруль солдат-аскари из уездной администрации, а я ими арестована за выход из автобуса в неподобающем месте. Моим друзьям, хозяевам, братьям, маме – всем позвонили и от всех потребовали срочные денежные переводы за мой якобы штраф. Восемьдесят тысяч тогда набрали, чтобы меня отпустить.

И на этом они успокоились? Да уж помилуйте. Сказали, что прирежут меня прямо на месте как козу, если не сообщу им свой пинкод. Они снова залезли в мой мобильный, открыли с него мой личный счет денежных переводов службы MShwari, и взяли там себе заем на десять тысяч под мое имя. А потом еще заем на двадцать тысяч от банка KCB Mpesa. Я все еще до сего дня расплачиваюсь за те деньги, украденные ими у банка через мой мобильный телефон. На то Рождество, мой сын в Бусиа вообще ничего не ел...

Так вот, я вам повторяю: зовите свою полицию меня арестовывать. Да. Я его пришибла, и от души надеюсь, что дьявол уже сжигает его вместо угля там, в аду.

ПОНЕСШИЕ УТРАТУ

Мать говорила всем, кто нашел время посидеть с ней на поминках, что она взрастила его своим потом и кровью. Ее усилие говорить было почти осязаемым, как резкий запах свежеработанной земли, когда она пыталась произнести эти слова, срывая голос. Все слушавшие почти что видели капли крови, выступившие на ее лбу, будто бы она была сам Христос в терновом венце. Этот образ естественно возникал, когда она широко разводила руки и отдавала вовне всю свою надежду и боль. И мгновением позже, вбирала все это в себя обратно — тем самым принимая свою горькую долю и тихо сидя с ней в одиночку, сложив бесполезные руки на коленях. Она была похожа тогда на кроткую птицу, не умеющую взлететь.

«Я сделала все, что сумела», — обратилась она к Маме Мерси, своей соседке. И в награду за все эти старания, ее мертвый сын лежал теперь на холодной каменной плите в городском морге, куда отвезла его полиция.

Известие о смерти принес один из его друзей, молодой человек с непропорционально маленьким, как бы приплюснутым ртом. Она много раз предупреждала сына не дружить в этом типом, но ее сын давно уже не воспринимал ничего из того, что она говорила ему.

«Слушайте, мамаша, они его там убили», — проговорил его друг, едва поздоровавшись и стоя чуть поодаль от входа. На тот случай, чтобы было можно увернуться и убежать, если она сгоряча решит в него чем-то кинуть.

Но она не кинула. В руках у нее было нечто слишком драгоценное, чтобы бросать — веялка, сплетенная из пальмовых листьев макути, и полная бобов ньяйо.

«Как?» — только и сумела произнести.

«Они сказали, что он обворовал кого-то».

Как странно, что в эту секунду язык ее ощутил вкус бобов тамариндового дерева, его горькая сладость заполонила весь рот. Хотя уже много десятилетий никакого тамаринда пробовать ей не доводилось, с тех самых пор, как она оставила своих родителей в Конговеа. Для того только, чтобы уехать раз и навсегда ночным автобусом в Найроби, вместе с мужчиной, который потом оказался ни на что не годным.

Если бы ее друзья не всполошились, не набежали в дом, чтобы поднять ее со стула и взять из рук эту веялку с бобами, она могла бы остаться в этой горестной позе на весь остаток жизни, постепенно превращаясь в камень. Пальцы ее ног уже ничего не чувствовали, когда ее ввели в дом со двора.

«Ты не можешь просто взять и уйти, Кезиа», — сказал один из пришедших на помощь. «Ты все еще привязана к этому миру». Он показал рукой на двух ее внуков, сыновей ее дочери, затаившихся в темном углу. В этот момент она ненавидела всех настолько, что могла предать их проклятию. Ведь у нее сына убили!

Пришедшие женщины уложили ее на постель, прямо в одежде. Лежа на продавленном матрасе, ей казалось, что она заключена в оболочку крупного животного — которое хищники давно объели, но не смогли переварить еще долгие годы, пока животное совсем не умерло и не разложилось. Но ему так и не стало легче.

Женщины все сидели с ней, и говорили — пока она спала, иногда приходя в сознание, но потом снова погружаясь в забытие. Она смутно ощущала, что окружена страданием, утратой, смятением, гневом и даже ненавистью. Ей вдруг стало страшно в этой тюрьме забытия, она издала громкий возглас и наконец пришла в себя.

Был снова день. Дверь ее жилища размером в одну комнату была отворена настежь. Посередине двора, где земля настолько неплодородна, что даже не растет зелень сукума вики, ее внуки заливались смехом — жестоко и безразлично, как все дети. А ее сына было не воскресить.

«В одном я была не права – что бросила его отца», — промолвила она соседке. Мама Мерси, утомившись на этих поминках, не откликнулась. Сын-то был никчемный. Он принес когда-нибудь матери в помощь хотя бы пачку сахара? И когда он не влипал в неприятности?

«Помилуй меня, Господи. Мальчику был нужен отец», — произнесла мать, и у нее прорвались слезы.

Семь ночей подряд, соседские женщины сидели с ней, и приносили с собой каждая свое горе. Они разводили костер посреди двора, и от него на стены падали блики тягостных воспоминаний. Женщины осматривали друг у друга натруженные ладони, считали морщины на лицах друг друга, находили седые волосы и всем этим как бы составляли карту понесенных утрат для каждой из них. Потом они вместе плакали, обнявшись, и шептали одна другой, что сделали в жизни все что могли, а теперь все уже в руках Господа. Да сбудется Его воля!

МЕЧТАТЕЛЬ

Совсем за долго до того, как тебе предстоит бежать свой последний спринт в 200 метров по Кеньятта-авеню навстречу гибели, тебе просто четырнадцать лет, на тебе футболка с чужого плеча с надписью «D.A.R.E» на груди, и ты задумчиво жуешь травинку, притаившись на краю бездонного котлована. Кевин, твой соучастник преступления, только что прошел вместе с тобой почти десять километров, чтобы поглазеть в самую глубокую яму, вырытую когда бы то ни было посреди Найроби.

Внизу, желтые экскаваторы Caterpillar грызут землю своими громадными ковшками. Почва сырая и ярко-коричневая, и от одного ее вида жажда все сильнее. Мать высечет тебя как следует, когда ты в конце концов доберешься обратно домой, и осмелишься зайти в единственную комнату вашей хижины. Но что это за жизнь для мальчишки, если не ввязываться в рискованные авантюры?

А может, и не стоит вообще сегодня домой соваться. По дороге сюда, перед тем как глазеть на стройку, вы с Кевином удачно притворялись сиротами и выклянчили достаточно денег у каких-то дураков, чтобы купить себе чипсов и сосисок в ларьках возле дороги. Твой живот от этого переполнен так, что даже нехорошо.

«Вообрази, что ты стоишь на сто этажей выше!» — говоришь ты сквозь дымок окурка, подобранного на улице.

Кевин приподнимает ладонь козырьком и, прищурившись, пытается прикинуть, как высоко в небе будет сотый этаж. Но потом пожимает плечами: «Там, вверху. Здесь, внизу. Не все ли равно. Все мы помрем».

Он стал меланхоличен с тех пор, как в прошлом году умер его отец. Ты чувствуешь уже, что твой друг развивается по какой-то другой траектории, и уже где-то через год вы не будете больше общаться. Тебе вдруг хочется, чтобы твой ушедший из дома отец тоже умер.

Ты вертишь головой, не соглашаясь с другом. «Когда ты на такой высоте, никто не сможет наступить тебе на голову», — утверждаешь ты, в свою очередь.

Рычание экскаваторов в котловане гулко сотрясает почву под ногами, и это ощущается даже в спине. Ты словно видишь, как перед глазами вырастает Вавилонская Башня — прямо до самых обитателей Господних.

«Почему же? Почему не мы?» — спрашиваешь ты вдруг, глядя на Кевина, и щуря один глаз от солнечного сияния вокруг его головы.

А тот смеется — тем самым смехом, будто кудахчут куры. Которых твоя мать разводит в сарае прямо по соседству с единственной комнатой, служащей вам одновременно и спальней, и кухней, и гостиной. Куры вонючие и глупые, а мать все заставляет тебя за ними убирать.

«А тебе не позволят», — произносит Кевин.

«Кто же?»

«Ну, они», — отвечает он, широко разводя руками и подытоживая этим жестом весь мир вокруг.

До тебя тут доходит, что он вообще-то прав, и от этого тебя берет злость и желание расквитаться с ним. «Ну и живи себе в бедности. Помрешь, как твой отец!» — произносишь ты.

Кевин внезапно поднимается и отряхивает свои шорты сзади. Это кажется странным, ведь он сидел, как и ты, на корточках, а не прямо на земле. Вопреки ожиданиям, он и не думает бросаться на тебя с кулаками. Это тоже задевает тебя, и хочется кинуться на него самому, и отдубасить за это.

«Ты, Джеремайя, слишком много хочешь от жизни. Кто желает слишком многого, рискует оттого и погибнуть», — произносит он веско. А затем удаляется обратно к дырке в заборе из гофрированного железа, которую вы с ним проделали, чтобы пролезть на территорию стройки.

И ты с досады бросаешь камень в котлован, где экскаваторы продолжают терзать землю далеко внизу. Но никто там этого даже не замечает. И никто тебя не видит.

Makena Onjerika won the 2018 Caine Prize for African Writing. Her work has appeared or is forthcoming in *Granta*, *Johannesburg Review of Books*, *Fireside Quarterly*, *Wasafiri*, *Waxwing*, *Jalada*, *New Daughters of Africa*, *Doek!*, *DRR* and others. She runs the Nairobi Fiction Writing Workshop and recently published the workshop's first anthology, *Digital Bedbugs*. She writes both literary and speculative fiction.

Ufuoma Essi is a video artist and filmmaker from South East London. She works predominantly with film and moving image as well as photography and sound. Her work revolves around Black feminist epistemology and the configuration of displaced histories.

All That You Can't Leave Behind appears here as a still from the full accompanying artwork available on stillpointmag.org